Послесловие к публикации документальных материалов о мулле Мурате

Публикуемая рукопись представляет собой извлечение части текста из материалов «секретного дела», рассмотренного Правительствующим Сенатом на двух заседаниях: 22 декабря 1771 г. и 25 января 1772 г. В «дело» последовательно оказались сведены следующие документы:

1) 1771 г. июня 11. – Представление оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа о задержании муллы Мурата и его учеников, заподозренных в подготовке антиправительственного выступления мусульманского населения;

2) 1771 г. не ранее июня 10. – Рапорт Сеитовой слободы ахуна с муллами и старшины А. Хаялина об ознакомлении и осуществлении выписей из книги и отдельных листов, изъятых у муллы Мурата, а также запись о единомышленниках Мурата («присяга»), переведенные на русский язык регистратором М. Воиновым;

3) 1771 г. июня 10. – Изложение показаний муллы Мурата при допросе в Оренбургской губернской канцелярии в переводе на русский язык титулярного советника П. Чучалова;

4) 1771 г. июля 7. – Копия указа императрицы Екатерины II генерал-прокурору Правительствующего Сената князю А. А. Вяземскому о доставке муллы Мурата и его сообщников в Санкт-Петербург;

5) 1771 г. августа 4. – Донесение оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа об отправке задержанных — муллы Мурата и его сообщников — в Санкт-Петербург и о приложении усилий к недопущению распространения «Муратова разврата»;

6) 1771 г. не ранее июня 10 — не позднее августа 4. – Опись изъятых у муллы Мурата рукописей, и список мулл, задержанных в качестве его сообщников, составленные П. Чучаловым;

7) 1771 г. августа 5. – Донесение оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа генерал-прокурору А. А. Вяземскому о слабости укреплений и недостаточности воинских людей для подавления возможного бунта;

8) 1771 г. июля 7. – Копия сообщения командующего на Сибирских линиях генерал-майора С. Станиславского оренбургскому губернатору о неудавшихся переговорах башкирцев Оренбургской губернии с Аблай-султаном о переходе на жительство в Киргизскую Среднюю Орду;

9) 1771 г. не ранее июня 28 — не позднее октября. – Изложение показаний на допросах Абдулкарима Ибрагимова, муллы Мурата Ишалова, Аита Уразметова, муллы Абдрешита

Юсупова, муллы Абдулкарима Юсупова, муллы Абдулвахита Асанова в переводе на русский язык и с их собственным письменным подтверждением написанного;

10) 1771 г. не ранее июня 28 — не позднее октября. – Две записки, обобщающие показания муллы Мурата по основным пунктам обвинения, изложенного в донесении оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа;

11) 1771 г. октября 10. – Подписка о невыезде из Санкт-Петербурга до вынесения решения по делу и о неразглашении обстоятельств ареста, данная освобожденными из-под стражи по указу Екатерины II муллой Муратом и его товарищами;

12) 1771 г. ноября 4. – Донесение оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа в Правительствующий Сенат с утверждением, что случай с муллой Муратом абсолютно во всем повторяет таковой с известным муллой Батыршой;

13) 1772 г. января 25. – Определение Правительствующего Сената по делу муллы Мурата и лиц, задержанных в качестве его сообщников;

14) 1772 г. января 26. – Запись, данная муллой Муратом, с обязательством впредь не заниматься сочинительством и пустым толкованием Корана;

15) 1772 г. января 28. – Именной указ Правительствующего Сената коллежскому асессору и члену Ямской канцелярии И. Языкову об организации отправки обратно в Оренбург лиц, задержанных по обвинению в подготовке государственного бунта;

16) 1772 г. февраля 29. – Извещение (рапорт) оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа о получении указа из Сената и роспуске домой всех доставленных из Санкт-Петербурга арестантов;

17) 1771 г. не позднее декабря 21. – Показания муллы Мурата об обстоятельствах его задержания, написанные собственноручно арабской графикой.

Простое перечисление составных компонентов комплекса уже свидетельствует о том, что в нем сосредоточены материалы, отражающие различные позиции: стороны обвинения (оренбургские губернаторы и муллы), стороны, обвиняемой в призывах и организации антиправительственного выступления (мулла Мурат и другие задержанные), и, наконец, «третейской» стороны, которую заняли Сенат и императрица Екатерина II. Следовательно, отложившиеся документы предоставляют исследователю возможность подойти к осмыслению «дела» муллы Мурата с разных сторон. Публикация же лишь части уцелевших материалов лишает читателя максимально возможного приближения к познанию данного исторического факта, ибо извлечения неизбежно приводят к однобоко-усеченному представлению об изучаемом объекте. Между тем дошедшие до нас источники содержат массу интересной информации не только о сущности и характере изложенных муллой Муратом идей. Они позволяют судить об особенностях его личности, о побудительных мотивах составления книги, цели, которую он преследовал своим сочинением, реакции на его произведение различных представителей общества и властных структур, а также содержат массу другой, «косвенной» информации по самым различным сюжетам.

Читателю, заинтересовавшемуся публикуемыми материалами, хочется также пожелать вспомнить об аксиоматичных постулатах источниковедения о необходимости анализа и оценки деятельности конкретной личности, роли ее в общественной жизни в связи с конкретно-исторической обстановкой, в которой он жил и действовал. О недопустимости суждений о реалиях прошлого, в данном случае XVIII столетия, исходя из современных представлений и понятий.

Дошедший до нас комплекс источников не оставляет сомнений в том, что мулла Мурат принадлежал к числу наиболее образованных людей своего времени. Его кругозор определялся не только глубоким познанием Корана, но и знакомством с классической литературой на фарси (персидском). Это видно по тому, что, кроме упоминаемых в Коране имен пророков, халифов, их родственников, ему знакомы дру-

гие персонажи библейской и мировой истории. Скажем, мулла знает библейского царя Немврода=Нимрода, но не в качестве олицетворения насильника, как это запечатлено в мусульманской мифологии, а как одного из удачливых правителей. Оперирует именем жившего в IV в. до н. э. Александра Македонского (Искандера), превращенного произведениями Фирдоуси, Низами, Джами в идеализированного персонажа — справедливого шаха иранской крови. Заявление о том, что ему удастся найти «живую» воду, которую тщетно искал Искандер, могло быть заимствовано муллой все у тех же персидских авторов. Да и главный сюжет социальной утопии муллы о создании счастливого царства на земле, где восторжествует справедливость и равенство людей, возможно, был подсказан «Шахнамэ» Фирдоуси.

К слову заметим, что задержанные в качестве сообщников Мурата муллы, направлявшиеся в Астрахань для сбора денег на строительство мечети в Казани, в целях безопасности прикрывались необходимостью снятия копии с сочинения Абу-л-Гази Бахадур-хана*. И этот факт, а также само донесение оренбургских старшины и мулл указывают не только на начитанность, но и на хорошую осведомленность о жизни единоверцев, на существование межрегиональных контактов мусульманского населения Российской империи, ощущавшего духовное единство.

В связи с этим уместно вспомнить, что религия объединяет людей отнюдь не по этническому признаку и географическому принципу размещения. Разумеется, мировоззрение человека XVIII в. было ограничено религиозными рамками и вследствие этого не могло содержать осознания этнического своеобразия и интересов**. Поэтому считать, что мулла Мурат вынашивал идею возрождения утраченной государственности (булгарской или казанской), т. е. приписывать представителю XVIII в. несвойственное эпохе этническое самосознание, просто абсурдно. Именно в силу отсутствия этого самосознания он и претендовал на роль очередного Божьего избранника, пророка, в руках которого будет сосредоточена вся полнота власти, как светской, так и духовной, во всем мире. Представлял себя и верховным святым — имамом, и халифом Египта, и покорителем-правителем Вселенной, подобным Немвроду, Шиддяту, Сулейману=Соломону и Искандеру=Александру. При этом Мурат не сомневался, что его сочинением заинтересуется турецкий султан (наместник Аллаха) и вызовет к себе; полагал, что достигнет всего, к чему стремились названные правители; указывал, что его признают и неправоверные (в рукописи «неправославные»). Он представлял себя обладателем всех известных священных атрибутов власти: перстня пророка Мухаммеда (в другом месте — корзины Исмаила (Измаила)), чалмы пророка Ибрагима (Авраама), жезла пророка Мусы (Моисея). Верил, что, прочитав сочиненную им книгу, владетели престолов сами отдадут ему бразды правления, ибо представлял себя посланником, пришедшим укрепить и обновить веру, он — Махди, вместе с которым, спустившись с небес, будет устанавливать справедливость, строить царство Божье на земле Иисус. Его «закон» был призван объединить всех обладателей священных писаний, стать залогом и побудительной силой к созданию счастливого царства. Как видим, сущность этико-социальных представлений муллы Мурата сводится к идее строительства общества, подчиненного единому главе, который обеспечит господство справедливости, реформируя духовный мир человека.

Когда возникла необходимость объяснения властным структурам причин, обстоятельств и мотивов создания книги, мулла Мурат предстал, с точки зрения западного рационализма, в несколько противоречивом ракурсе.

* Речь идет о сочинении хивинского хана Абу-л-Гази «Родословное древо тюрков», написанном в 1663/1664 г., переведенном на русский язык Г. С. Саблуковым и опубликованном в Казани в 1906 г.

** Если мы встречаемся в прошлом с именами, содержащими приставку «аль», к примеру «аль Болгари», то это всего лишь указание на географическое название места происхождения человека и не означает принадлежности к булгарскому этносу. Все мы хорошо знаем, что вплоть до XX в. этноним «татары» вызывал у того самого «казанско-татарского» населения резкое неприятие, представители которого всегда поправляли собеседника уточнением, что они «мусульмане».

С одной стороны, в его показаниях явно присутствует элемент мистики, вполне естественной для той эпохи, с другой стороны, подверженность атипично-маниакальным сновидениям с одними и теми же фигурантами, неадекватность поведения на кладбище, утрата чувства реальности и восприятие «голосов» напрашиваются скорее на врачебный диагноз. Судите сами.

Заняться сочинительством Мурата побудил сон, в котором ученики покойного святого шейха Нажмутдина просили его стать их учителем. Года три он записывал свои сновидения и в конце концов пришел к выводу о необходимости поклониться мощам шейха, похороненного в Булгарах. Мулла решился на посещение города и могилы святого. На кладбище ему почудилось, что он оказался в окружении учеников шейха, просивших быть их учителем. От страха он остолбенел, но, придя в себя, стал молиться, поминать шейха и… ощутил райские запахи. В довершение всего мулла Мурат устроился на ночлег на кладбище, где пробыл «ночи с три»*. Во сне получил указание написать «закон»**. Наутро же ему было «многими голосами говорено»: скинь кафтан, разодрав, лоскутки, раздай на шапки всем бедным, пришедшим на кладбище. Выполнив это предписание, он понял, что должен написать «закон» и передать его государыне. Во все дни пребывания на кладбище он продолжал ощущать благоухание, но «голоса» уже больше не слышал. Поездки в Булгары, где он побывал еще «раза с четыре», стимулировали его творчество: «…долго в Булгарах не побывает, то совсем будет дурак и писать ничего не может, а как в Булгары съездит, то опять будет у него ум и зачнет писать».

Весьма возможно, что первый раз в Булгарах он оказался явно не по внутреннему зову души, а потому что в 1767 г. этот город посетила Екатерина II. Событие-то было не рядовое, многим хотелось увидеть императрицу. Состояние же захоронений святых и остатков прежних культовых сооружений в Булгарах, видно, столь сильно поразило муллу, что разрушение города и мусульманских храмов ему приснилось. Сон свой он истолковал как ожидаемое наступление восстановления города и мечетей, в котором роль строителя отводилась ему. Поэтому неудивительно, что Булгары в его сновидениях и мечтах представлялись «Наубагаром», т. е. весенним цветущим садом.

По нашему мнению, заслуживает внимания и то обстоятельство, что Мурат, сын Ишали, объявил себя потомком дочери пророка Мухаммеда — Фатимы. Фатима, как известно, очень почитаема мусульманами-шиитами, теми, кто признает ее мужа Али ибн Абу Талиба (4-го халифа Халифата) и его потомков единственными законными халифами и духовными руководителями. Книгу свою, по его собственному признанию, «писал он нимало не думавши, а прямо набело (в состоянии некоего экстаза. — *Д. М.*). И коль скоро возмет он перо в руки и положит на бумагу, да так и пишит, не зная в то время и сам, што и о чем пишет… А по сему и думает он, што то писал он не своим умом, но дух святой». Получается, что текст книги ему был ниспослан как Коран пророку Мухаммеду.

Возникает вопрос, как же было не возмутиться ортодоксальным муллам и не попытаться с ним разделаться с помощью властей?! Ведь священнослужители имели все основания для заключения о том, что мулла, объявивший себя обладателем недоступного для других знания, сокровенного и тайного смысла Откровения, предпринявший аллегорические трактовки (такие, что оренбургские ахун и муллы не поняли) аятов Корана, примеривший на себя роль Махди аль Мунтазара — Мессии, представлявший себя правителем царства благоденствия и справедливости во Вселенной, уклонился в своих религиозных убеждениях в сторону исмаилитского шиизма. Однако судить об этом более предметно, не обладая необходимыми богословско-философскими знаниями, считаем себя не вправе.

* Такие посещения могил святых шейхов, моления и длительные пребывания возле захоронений были свойственны суфийской практике.

** Большинство суфиев признает сон как временную разлуку тела и души, как один из способов познания.

Безусловно, существующие и возникавшие в рассматриваемое столетие социальные проблемы, преломляясь через призму религиозного мировоззрения, выливались в пересмотр, исправление, уточнение или расширительное толкование составляющих вероучения в целом или отдельных его постулатов. Это была и форма протеста, и способ выражения желаемого, так сказать, программы необходимых действий. Вместе с тем решившийся на подобную «ревизию» вероучения мог руководствоваться целью крайне эгоцентричной и далекой от желаний и стремлений основной массы общества, народа. А если обострение социальных противоречий достигало критической отметки и народ (общество) начинал жить в ожидании появления личности пастыря и наступления перемен, то любая заявка на лидерство (пусть даже претендующая на объективно невозможное) воспринималась как появление долгожданного руководителя (идеолога), способного указать выход из ситуации, разрешить существующие социальные проблемы. Примеров этому в прошлом не счесть.

В случае с муллой Муратом, как нам кажется, мы сталкиваемся с проявлением подобного рода попытки оказать воздействие на общественное сознание в рамках существующего религиозного мировосприятия, предпринятой личностью довольно экзальтированной, чрезмерно увлеченной мистико-философскими идеями и переоценившей свои возможности.

XVIII в. был не менее «бунташным», чем предыдущее столетие. Несмотря на то, что правительство пыталось «искоренить воров и разбойников», о чем свидетельствует регулярное появление указов (1719 г. апреля 16, октября 30; 1724 г. июня 20, сентября 14; 1728 г. июня 21; 1744 г. сентября 7, августа 28; 1732 г. октября 5 и т. д.), народные выступления 1704-1711, 1735-1741, 1747, 1755-1756 гг., носившие, по российским меркам, локальный характер, вылились в серьезную крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева. В этих условиях местная администрация должна была реагировать на любое извещение о готовящемся выступлении и принимать безотлагательные меры к недопущению распространения недовольства.

Она реагировала и принимала меры. Так, указом от 5 декабря 1767 г. оренбургскому губернатору князю А. А. Путятину надлежало произвести расследование о возможности бунта, ибо Сенат получил известие из Киева о переписке казанских и астраханских татар с крымским ханом, а в Оренбургской губернии «магометан и больше, и продерзливее». Естественно, в условиях начавшейся войны с Турцией сообщения подобного рода заставляли внимательнее присматриваться к мусульманскому населению, ведь воспоминания о Батырше еще были свежи… К тому же правительство, начиная с «казанского взятия», рассматривало мусульманство в качестве центробежного, разъединяющего население единого государства фактора. И нет ничего удивительного в том, что в мае 1769 г. генерал-майор Миллер, занимавшийся расселением отставных по Закамской линии, а не офицер-разведчик, обратил внимание на то, что в г. Билярск приезжают уфимские татары и башкиры. Оренбургский губернатор в ответ на его сообщение распоряжением к уфимскому воеводе указал разобраться и не выдавать им впредь «пашпорты». Предупрежден был и казанский воевода. «Съезд» населения, как уверял оренбургский воевода, пресекся.

Другое дело, что представители властных структур спешили на всякий случай застраховаться, ибо мусульмане (и не только они) даже в атеистически выдержанном XX столетии ездили, не афишируя, в Билярск для поклонения и совершения религиозных обрядов. В XVIII в. массовый приезд населения в Билярск был зафиксирован в мае — июне без указания порядкового номера года. А поскольку Миллер сообщил об этом факте в мае 1769 г., то основывался, надо полагать, на наблюдениях в прошлом (или в прошлых) году. Учитывая это, определим соответствие 1 мая 1768 г. мусульманской дате. По лунной хиджре этот день приходился на

24 зу-ль-хиджа 1181 г.

Известно, что праздник жертвоприношения — Курбан-байрам — отмечается 10-13 числа месяца зу-ль-хиджа. Лунный год короче солнечного на 13 суток и ежегодно календарь «убегает» на указанное число суток вперед. Следовательно, предупреждение строилось на наблюдениях 1767 г. и более ранних лет. Приведение мая — июня в качестве месяцев съезда потенциальных возмутителей спокойствия может быть объяснено или неосведомленностью корреспондента в тонкостях лунного календаря и мусульманских обрядов, или же тем, что действительно уфимские татары и башкирцы собирались для координации возможных антиправительственных выступлений. Но выяснение всех обстоятельств этого съезда в наши задачи не входит.

Важнее подчеркнуть другое. То, что оренбургский губернатор в ответ на донесение принял соответствующие случаю меры и жил в ожидании очередной «выходки» со стороны мусульман. И вот тут-то в июне 1769 г. он получил донесение «весьма верного и усердного» старшины подгородной Сеитовской слободы Оренбурга А. Хаялина о вероятной цели поездки слободских торговых татар А. Усеинова и братьев Юсуповых, отбывших из Казани в Астрахань. Старшина высказал предположение, что поехали они туда для установления контактов с крымским ханом. Последней каплей стало донесение в апреле 1769 г. той же подгородной слободы ахуна Абдулнасыра Габдуссалямова с муллами о возможности приведения народа «своим вымыслом в смущение» муллой Муратом из Надыровой волости Уфимского уезда. Оренбургские муллы были обеспокоены сочинительством Муратом книги «вопреки закона их магометанского», т. е. произведения, противоречащего догматике ислама, и вели речь о вероятности увода масс с истинного пути. И на это, как мы уже выяснили, у них были все основания. Однако губернатор (и не только он) квалифицировал это как назревание народного выступления. К тому же он усмотрел связь между данным фактом и поездкой вышеназванных татар в Астрахань. Был предпринят ряд мер предосторожности: предупреждены казанский и астраханский губернаторы, задержаны подозреваемые, переведены заслуживающие внимания выдержки из сочинений муллы Мурата, отправлено донесение в Сенат.

С материалами дела ознакомилась императрица Екатерина II и распорядилась, расковав, привезти арестантов в Санкт-Петербург. Арестанты были отправлены в столицу «на семи парах (т. е. в упряжке по две лошади. — *Д. М.*) под конвоем прапорщика и восьми солдат». Начавшееся на месте следствие было продолжено в Сенате, но ни один из подозреваемых в преступных замыслах и действиях не признался.

Более того, с самого начала Мурат прибыл в Оренбург с целью добиться с помощью канцелярского служащего регистратора П. Чучалова аудиенции у губернатора и попросить, чтобы его отправили за казенный счет в столицу. Он хотел передать императрице свое сочинение, так как искренне полагал, что именно оно объясняет, растолковывает, как уже указывалось, все предыдущие ниспосланные Священные Писания.

Екатерина II отреагировала на «дело» Мурата указом от 7 июля 1771 г., адресованным князю А. А. Вяземскому. В нем отмечалось, что «...лиха за ними не вижу, а много дурачества, которое он почерпал из разных фанатических сект, их лже-пророков. И так он инако не виновен, как потому что он родился с горячим воображением, за что наказания никто не достоин, ибо сам себя никто не сотворит. Книги же его свидетельствованы муллами его сущих соперников и злодеи». В конце концов было признано, что задержанные ни в чем неповинны, а мулла Мурат психически не совсем здоров: «Сочинение Муратово… наполнено такими вздорными воображениями, которых события одному безумию Муратову ожидать должно». Дело было закрыто. Всех арестантов без всякого наказания отправили на четырех ямских подводах под охраной одного солдата Сенатской роты,

снабдив «кормовыми» деньгами. Губернатору же И. А. Рейнсдорпу был послан указ с предписанием отпустить бедолаг «в их домы», об исполнении которого тот и отчитался 29 февраля 1772 г. Примечательно, что сначала было решено оставить муллу Мурата для лечения, а впоследствии он был отпущен вместе со всеми.

Хотя официальные власти и сочли муллу безумцем, таковым он, конечно, не был. Изучение взглядов (сочинений) Мурата с позиций логики и рационализма, как это произошло в данном случае, не могло привести к пониманию их сути и характера.

Исход дела (признание муллы больным и освобождение из-под стражи) указывает на недопустимость уверенности в непогрешимости, правоте и всезнайстве власть имущих — Екатерины II и Сената, ибо необходимых знаний для суждения о религиозно-философских воззрениях мусульманских мыслителей, о суфийской практике, о тонкостях мистического пантеизма они просто не имели. Поэтому рассуждения, выходившие за рамки привычных (христианских) представлений, и были квалифицированы как бред сумасшедшего.

Обмолвимся также, что писем турецкому султану по дороге Уфа — Оренбург мулла явно не писал. Но поскольку указал в своих записях, что «посредник святых» к султану послан «ради спросу о состоянии в последние веки притти имеющаго Мягдия» и «посредник святых» был отправлен также к гробу Пророка «ради исправления военных дел», постольку необходимость осмысления этих утверждений существует. Однако истолковывать их как направление Муратом специальных посланцев-агентов к султану и в Медину, мягко говоря, крайне спорно. Тем более что на допросах он показал, что султану обо всем будет объявлено «чрез посылку [это открылось ему во сне от Бога] упомянутых в сочинении ево святых».

Таким образом, ознакомившись с уцелевшими материалами данного дела, мы склонны полагать, что приписывать мулле подготовку общенародного выступления под политическим лозунгом «восстановления царства Булгарского», причислять его к числу основоположников «булгаризма», считать «просветителем и поборником кардинального возрождения казанско-татарского общества», да и последователем Батырши, не совсем правомерно.

Социально-политические устремления муллы, сформулированные в аллегорической универсально-всеобщей форме, широкого признания в обществе не получили. Правда, ставил это в заслугу себе губернатор, уверявший, что распространяющийся «разврат» «принятою предосторожностию предварен и об утушении ево всевозможное старание прилагается». Слухи о необычном мулле, по всей видимости, расползались и его «откровения» кому-то казались способствующими лучшему и новому «истинному» восприятию Корана и ислама, а кого-то могли и вовлечь в общественно-политический процесс. В числе его приверженцев названы лишь 11 человек (Аит, Шарып, Муллamметь, Абдулвагап Абдрязяк, Мустай Абдряшит, Мендей, Габбас, Маджид, Абдулкарим, Темирбулат, Абдулхалик). Они были причислены Муратом к разряду святых и, в свою очередь, вполне могли иметь определенную аудиторию.

Существенно же навредить мулла не успел, его изолировали от общества и отправили в столицу. В соответствии с определением Сената мулла Мурат обязался, что «впредь таковых сочинений, каковы им прежде деланы, выдавать и впустые толковании татарского закона мешать отнюдь не будет…», и, видно, слово свое он сдержал.

Дина Мустафина,
кандидат исторических наук